

Было уже больше восьми вечера. Тан Юйхуэй только отошёл от конвейера и устало выдохнул, как его остановил начальник бригады.

— Сяо Тан, помоги подменить инженера Чэня. Он работает над чертежами, скоро должны подвезти партию материалов, людей не хватает.

— Хорошо, — без раздумий согласился Тан Юйхуэй. Он спокойно снял маску и потёр глаза.

У него было узкое лицо, и выданный компанией защитный респиратор оказался велик. Край маски почти упирался в нижние веки и при долгом ношении больно натирал. Когда все прибывшие материалы были приняты, на улице уже сгустилась тьма.

Заводские корпуса, стоявшие вдали от главного здания, погрузились в тишину. Тан Юйхуэй в одиночестве быстрым шагом пересёк парковку, собираясь сесть на ночной автобус, чтобы вернуться в офис за вещами.

Дзинь! В гробовой тишине звук телефона прозвучал оглушительно резко. Шаги Тан Юйхуэя замерли. Почему-то он выждал паузу, прежде чем достать телефон. «Завтра свободен? Давай встретимся ещё раз?» Тан Юйхуэй долго смотрел на экран. Телефон был зажат в ладони, но пальцы так и не коснулись стекла.

Он не ответил. Ладонь в том месте, где она сжимала телефон, слегка вспотела. Когда экран окончательно погас, Тан Юйхуэй увидев в нём своё отражение, немного подумал и только потом пошёл дальше.

«Жизнь после двадцати будто нажимает на кнопку ускорения». Эту фразу Тан Юйхуэй вычитал где-то давным-давно. Наверное, ещё в Пекине, в вагоне метро по пути на работу, потому что она показалась ему похожей на рекламный слоган. Или, может, случайно наткнулся в ленте друзей, ведь у него не было ни Weibo, ни других соцсетей, и он редко читал что-то настолько лирическое.

У Тан Юйхуэя была отличная память, а цифры делали его восприимчивым. Эта фраза по какой-то неведомой причине затронула струны его души. Поэтому он и запомнил этот в общем-то бессмысленный рекламный слоган. Бессмысленный, потому что он подходил не всем. Жизнь Тан Юйхуэя не ускорилась в двадцать. Его кнопка ускорения была нажата три года спустя. А затем началось стремительное, подобное потоку, течение жизни. Лишь возраст рос с пугающей скоростью, а всё остальное, казалось, не оставляло и следа.

За почти четыре года Тан Юйхуэй семнадцать раз покупал билет до Кандина, двенадцать раз ездил в аэропорт и трижды поднимался на борт самолёта. Два раза он выходил из аэропорта Кандина: в первый раз он постоял на перекрёстке, где его когда-то встречал Кан Чжэ, и смотрел на небо, которое, казалось, обрывали горные вершины. Во второй раз он видел Кан Чжэ. Сказать «виделся» было бы неверно, потому что Тан Юйхуэй, незамеченный, лишь наблюдал за ним издали. Кан Чжэ даже не догадывался о его приезде.

Тогда прошёл год с тех пор, как Тан Юйхуэй уехал. В тот день он прилетел в высокогорный аэропорт Кандина рано утром, но совершенно не помнил, как сюда добрался. Когда он опомнился, то уже сидел в грузовичке какого-то тибетского водителя. Мужчина плохо говорил на путунхуа, но понять его было можно. Когда Тан Юйхуэй выходил из машины, он спросил, сколько с него, и тибетец, улыбнувшись, показал ему три пальца.

Заплатив, Тан Юйхуэй обнаружил, что не взял с собой ничего, кроме телефона и кошелька. Корешок авиабилета был скомкан и лежал в кармане брюк, и Тан Юйхуэй понятия не имел, как ему удалось без малейших воспоминаний об этом благополучно сесть в самолёт.

Машина была куда быстрее мотоцикла и не растрясала его до тошноты. В этот раз дорога показалась Тан Юйхуэю совсем короткой, до такой степени, что ему стало страшно.

Стоя на обочине шоссе у гостевого дома, Тан Юйхуэй понял, что дом совершенно изменился. Внешние стены больше не были сложены из старого кирпича, крыша уже не была уныло-серой, а сияла белизной, перекликавшейся с небом. Во дворе — ни конюшни, ни загон для коз, но Тан Юйхуэй, с чувством, будто он чудом спасся после катастрофы, обнаружил, что

виноградную беседку не снесли. Под ней стоял мотоцикл. Тан Юйхуэй не думал, что сможет встретить Кан Чжэ, да и не хотел этого. Он незаметно спрятался за большим деревом у дороги и издалека смотрел на ворота гостевого дома.

После отъезда из Гардзе у Тан Юйхуэя часто случались проблемы с памятью. Это не мешало его повседневной жизни, но он нередко не мог вспомнить, о чём думал в определённые моменты. словно отрезок времени сдвигала в сторону некая сила, и при попытке вернуться мыслями в прошлое в его голове обнаруживалась лишь бесчувственная, неосознанная пустота. Ничего особенно серьёзного, просто это заставило Тан Юйхуэя какое-то время чувствовать себя не в своей тарелке. Лишь позже он понял, что это был защитный механизм, выстроенный его собственным телом. Мозг всеми силами старался заставить его забыть о чувствах. Он его защищал.

В тот день было то же самое. Этот приступ кратковременного помрачения сознания снова настиг его. Он, словно в тумане, смотрел на распахнутые ворота, и в душе царило беззвучное и беспросветное спокойствие. В тот миг, когда появился Кан Чжэ, Тан Юйхуэй отчётливо почувствовал, как эта пустота едва заметно дрогнула. Именно эта едва заметная дрожь заставила сойти лавину, породила настоящую катастрофу.

Кан Чжэ почти не изменился. Кажется, он стал чуть выше, волосы были короче. Одетый в чёрную куртку он выкатил мотоцикл и выглядел немного замёрзшим. Тан Юйхуэй наблюдал, как он садится на мотоцикл. Сутулая спина, низко опущенная голова... Он выглядел совсем не так, как в воспоминаниях. Вскоре его силуэт растворился вдали. Однако направление Тан Юйхуэй узнал. Это была дорога к школе.

Тан Юйхуэй и сам не понимал, о чём думает. Он не стал пользоваться транспортом и, как в свой самый первый день в Кандине, в одиночестве очень долго шёл по шоссе, пока солнце не склонилось к западу. Только тогда он дошёл до ворот школы.

Школа тоже изменилась: её отремонтировали. От этого вида сердце Тан Юйхуэя, казалось, забывшее, как биться быстро, вдруг радостно встрепенулось. Значит, все эти благотворительные организации — не сплошной обман. Какая-то польза от них всё-таки есть.

У школы теперь была даже своя площадка с высоким флагштоком посередине. Красный флаг трепетал в синеве небес, и казалось, это он приводил в движение ветер, превращая его в тугой парус, в струящийся шёлк которого закат вплетал золотую нить.

Кан Чжэ, прислонившись к мотоциклу, кого-то ждал. Из класса вышел высокий парень. Спустив флаг, он увидел Кан Чжэ и торопливо подбежал к нему. Кан Чжэ, должно быть, и вправду ждал его. Перекинувшись с парнем парой слов, он протянул ему небольшую сумку, небрежно потрепал по голове, и они уехали на мотоцикле.

Тан Юйхуэй ждал, пока не ушёл последний ученик и солнце не скрылось за горами. Лишь тогда наступила темнота, и тишина стала абсолютной. Вокруг опустился ночной занавес, на небе, словно бриллианты, повисли мириады звёзд. Тан Юйхуэй наконец пошевелился. Он нашёл гостевой дом, чтобы переночевать, поставил телефон на зарядку, а на следующий день купил билет на самолёт обратно в Пекин. С тех пор он больше не видел Кан Чжэ.

За три с лишним года Тан Юйхуэй выбрал самую короткую и эффективную объединённую программу магистратуры и аспирантуры, получив докторскую степень в университете А за рекордно короткий срок. Он выучил тибетский, присутствовал на похоронах Тан Жуй, отклонил все оливковые ветви, протянутые ему научно-исследовательскими институтами и вузами, и нашёл своему блестящему образованию наихудшее применение, став самым обычным инженером.

В день смерти Тан Жуй Юй Чжэнцзэ не остался бодрствовать у гроба. Тан Юйхуэй в одиночестве стоял на коленях в траурном зале до самого конца.

Тан Юйхуэй чувствовал, что Тан Жуй была жалкой, но при этом истинно прекрасной. Её уход казался увяданием красоты, однако этот конец оставил горькое чувство утраты. Тан Юйхуэй не страдал, но его печаль была искренней.

Он достал из сумки телефон, открыл в WeChat диалог с аватаркой в виде козьего зада, давно опустившийся на самое дно списка, и перешёл в окно чата. Он смотрел на диалог многомесячной давности и мгновение колебался.

Это было полгода назад. После банкета по случаю завершения проекта его напоили старшие товарищи. Когда Кэ Нин притащил его в общежитие, Тан Юйхуэй, сам не зная почему, беззвучно плакал. Вернувшись в комнату, Кэ Нин испугался, потому что даже не заметил, что его спина промокла насквозь. Подумав немного, Кэ Нин сунул телефон ему в руки и вышел из комнаты.

Алкоголь — разрушитель преград. Во все времена пьяные вели себя одинаково постыдно. И одинаково откровенно. Тан Юйхуэй нажал на аватарку и позвонил, но почти сразу же сам сбросил вызов.

После того как он нажал кнопку отбоя, желание плакать почему-то пропало. Он подумал о том, как же не вяжется мелодия звонка в WeChat с тишиной бескрайних просторов. Возможно, там, под усыпанным звёздами небом Кандина, внезапно раздался короткий и резкий сигнал, похожий на зов о помощи. Неизвестно почему, но от мысли об этом сигнале Тан Юйхуэю стало немного грустно. Затем он улыбнулся потолку, внезапно почувствовал сильную усталость, закрыл глаза и провалился в сон.

Проснувшись на следующий день, он увидел, что два часа спустя Кан Чжэ ответил ему. В сообщении не было лишних слов, тот лишь спросил: «Что-то случилось?» У Тан Юйхуэя с похмелья болела голова. Он медленно поднялся и ответил двумя словами: «Ничего страшного». Это и было последнее сообщение в их диалоге.

Тан Юйхуэй не собирался снова звонить Кан Чжэ, он просто некоторое время смотрел на его аватарку. Лента новостей Кан Чжэ в WeChat была пуста, никнейм и аватарка никогда не менялись. Иногда Тан Юйхуэй даже думал, что, возможно, этим аккаунтом уже давно никто не пользуется.

Он легонько коснулся аватарки, словно тайком погладил Маленького принца по его козьему заднику. Тан Юйхуэй вспомнил ощущение мягкой белой шерсти и не сдержался — в тишине траурного зала раздался его внезапный смешок. Он понял, что это нехорошо, но, словно совершая шалость, не смог удержаться и нажал ещё несколько раз, теперь быстро, почти не оставляя пауз между касаниями пальца. В чате появилась строчка: «куh похлопал(а) Маленького принца Кхама».

Тан Юйхуэй замер от неожиданности, не понимая, что произошло. От потрясения он уронил телефон. Ошеломлённо подняв его, он не знал, как отменить действие, и на мгновение его охватила паника. На этот раз Кан Чжэ ответил быстро. Почти сразу же поступил входящий видеозвонок.

В торжественной тишине траурного зала резкая трель телефона прозвучала совершенно неуместно. Мелодия звонка на миг вывела Тан Юйхуэя из оцепенения. Он почувствовал себя узником морских глубин, который, уже перестав ждать спасения, вдруг уловил ответ на свой сигнал бедствия.

Тан Юйхуэй суетливо схватил телефон и ответил. Низкий и глубокий голос Кан Чжэ донёлся до него словно сквозь пелену нереального оцепенения: «Что-то случилось?»

Внезапно боль наконец-то медленно добралась до его онемевших нервов. Осознание того, что он навсегда потерял Тан Жуй, казалось, лишь в этот миг начало медленно доходить до его сознания. Тан Юйхуэй, оцепенев, смотрел на прекрасное лицо в центре траурного зала, теперь увековеченное лишь на фотографии. Лежащий под ней человек уже не дышал.

— А-Чжэ, — прошептал Тан Юйхуэй, — у меня больше нет мамы.

На том конце повисла тишина, которая заставила Тан Юйхуэя почувствовать неловкость и стыд. Ведь он совсем не это имел в виду. В глазах Кан Чжэ этот звонок, должно быть, выглядел до нелепого странным и театральным. Поэтому Тан Юйхуэй поспешно проговорил:

— У меня тут ещё дела, извини за беспокойство. Я кладу трубку.

Тан Юйхуэй услышал короткий звук вдоха, словно Кан Чжэ как раз собирался что-то сказать, но он не осмелился слушать дальше и торопливо оборвал звонок. Кан Чжэ не перезвонил. Тан Юйхуэй с непонятным чувством на душе подождал немного, затем убрал телефон в нагрудный карман и снова тихо опустился на колени.

Минут через десять пришло видео. Похоже, Кан Чжэ закрепил телефон где-то на мотоцикле так, чтобы камера смотрела прямо в ночное небо. Тан Юйхуэй смотрел на экран: под грохот двигателя звёздная пыль, похожая на цифровой шум, неслась назад стремительным потоком. Он включил голосовое сообщение под видео и осторожно приложил телефон к уху. В записи была долгая пауза, создававшая иллюзию, будто Кан Чжэ долго обдумывал слова:

— Тан Юйхуэй, не грусти. В этом мире будет ещё много всего, что останется с тобой.

Через полгода после смерти Тан Жуй у Тан Юйхуэя наступила пора защиты докторской диссертации. Его работа была давно написана, оставалось только защитить её. Поскольку в университете всё равно делать было нечего, Тан Юйхуэй решил заранее выйти на стажировку в

компанию, где ему предстояло работать. В Чэнду.

Стоило Тан Юйхуэй как следует поразмыслить об этом, как он тут же понял, насколько глупо поступил. В конце концов, он не какой-то там сталкер. У него и в мыслях не было, что он, как в фильме, столкнётся с Кан Чжэ в этом мегаполисе, или что поедет искать его, ведь до него оставалось всего четыре часа пути. Тан Юйхуэй давно чувствовал, что ему больше не обязательно быть с Кан Чжэ. Но зачем тогда ехать в незнакомый город? Разумного ответа не было.

Прожив в Чэнду два месяца, Тан Юйхуэй постепенно привык. Ему начал искренне нравиться этот город, он иногда даже отправлял фотографии Кэ Нину, который уже учился на постдоке.

Однажды, проходя мимо торгового центра IFS, Тан Юйхуэй подумал, что панда, карабкающаяся по его стене, невероятно милая. Такая огромная, она уставилась в небо, и было непонятно, на что она там смотрит. Кэ Нин поддержал его, и Тан Юйхуэй сменил свой аватар на фотографию зада этой панды.

Тан Юйхуэй чувствовал, что жизнь хороша. И правда, всё было неплохо. Он не нуждался в деньгах, работа казалась ему довольно простой, немного утомительной, но в целом очень свободной. Ему не нужно было много общаться с людьми. О Тан Юйхуэе заботились, потому что он был моложе всех: самый молодой из его коллег был на несколько лет старше.

В отличие от Кэ Нина и своего научного руководителя, Тан Юйхуэй не испытывал мучительного сожаления. Он не собирался посвящать жизнь физике: просто так вышло, что она ему неплохо давалась. Прощаться с тем, что изучал столько лет, было, конечно, жаль, но это не было похоже на потерю всего на свете.

Воспоминание о новой встрече с Кан Чжэ походило на эпизод какого-то абсурдного фильма: всё в тот день, от декораций до персонажей, казалось тщательно срежиссированным и пропитанным вычурным драматизмом.

В тот день Тан Юйхуэй вовремя закончил работу, что случалось редко, и поехал домой. Он попал в вечерний час пик, и в метро его сдавили так, что стало почти нечем дышать. Ему было жарко и хотелось пить, поэтому, выйдя из метро, он сразу направился в круглосуточный

магазин за бутылкой минеральной воды. Толкнув дверь, Тан Юйхуэй на мгновение поднял голову — и неподвижно застыл на пороге, ошеломлённо глядя на человека у прилавка.

В залитом холодным белым светом магазине раздалось: «Добро пожаловать». Но для Тан Юйхуэя звук был приглушённым, далёким, словно из другого измерения. Он застыл на месте, не решаясь сделать и шагу в тот мир, что прежде существовал лишь в его мечтах.

Кан Чжэ, сжимая в руке только что оплаченную пачку сигарет, шёл к выходу. Повернувшись, он тоже на мгновение остолбенел, и его шаги резко оборвались.

Тан Юйхуэй не хотел стоять на пороге как истукан, словно душа покинула тело, но его мозг не подчинялся приказам. Он не мог ни сдвинуться с места, ни вымолвить слова.

— Я...

Кан Чжэ быстро подошёл к нему. Он остановился прямо перед Тан Юйхуэем, сунул сигареты в карман и молча смерил его взглядом.

Кан Чжэ стал выше. Взрослее. Холоднее. Его взгляд оставался всё таким же тяжёлым, но уголки губ, словно пытаясь разрушить неловкую тишину, наконец научились мягко изгибаться в улыбке. Тот голос, что когда-то, как казалось Тан Юйхуэю, менял саму частоту реальности, всё так же хранил свою небрежную хрипотцу, ставшую с годами глуше. Но сейчас он преодолел годы и прозвучал с прежней, кристальной чёткостью.

— Это действительно ты, — сказал Кан Чжэ.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12810/1130195>